

STACEY HALLS

*The
Foundling*

СТЕЙСИ ХОЛЛС

*Госпиталь
брошенных
детей*

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х72

Stacey Halls
THE FOUNDLING

Copyright © 2020 by Stacey Halls. All rights reserved.

Перевод с английского *Кирилла Савельева*

Холлс, Стейси.

Х72 Госпиталь брошенных детей : [роман] / Стейси Холлс ;
[перевод с английского К. Савельева]. — Москва : Эксмо,
2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-116334-1

Лондон, XVIII век.

Бесс Брайт беременна от зажиточного торговца, который, она знает, не примет участие в судьбе ребенка.

Бесс приходится отдать дочь в «госпиталь для новорожденных», откуда она сможет ее забрать, скопив достаточно денег. На память девочке остается лишь подобие медальона — половинка сердца из китового уса.

Спустя несколько лет Бесс хочет вернуть дочь. Но этот путь оказывается тернистым.

Дорога Бесс по туманным улицам Лондона пройдет через переулки, где работают уличные факельщики, мимо домов богатых людей, скрывающих свое безумие, и обители докторов. Это история о городе-легенде, о принятии и о материнских чувствах, самых бескорыстных на земле.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Савельев К., перевод на русский
язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-116334-1

Моим родителям, Эйлин и Стюарту

Мне не хватает фонарей,
чтобы найти себя.

Эмили Дикинсон

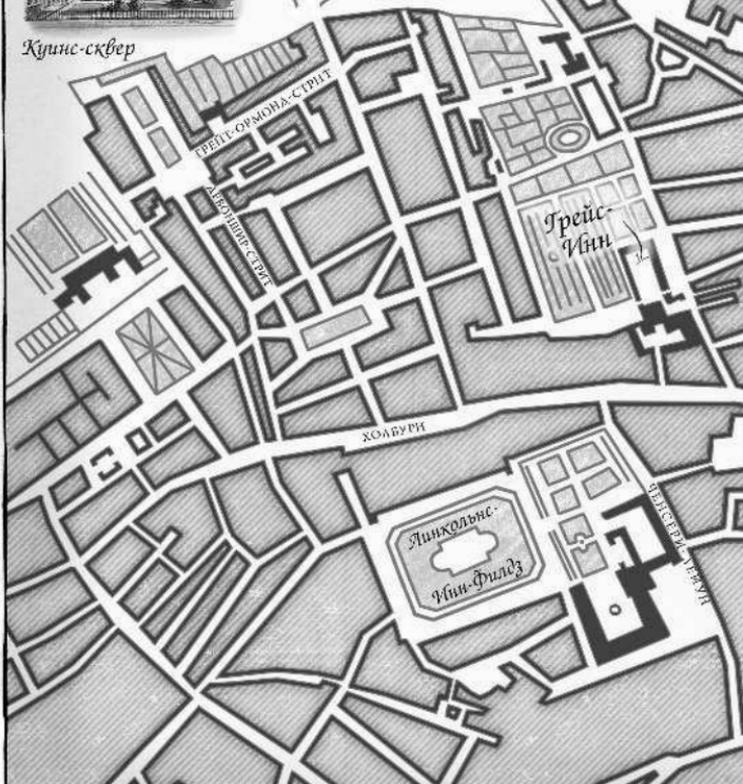
Алмс-Филдз

Госпиталь
для брошенных
детей

Куинс-сквер

1/2 мили

1/2 км

Георгианский Лондон 1746

Флитская тюрьма

Олд-Бейли-Корт

ФЛАГ-СТРИТ

АУЛБЕРИ-ХИЛЛ

Собор Святого Павла

Часть 1

БЕСС

конец ноября 1747 года

Глава 1

Все младенцы были завернуты, как подарки, готовые к раздаче. Некоторые из них в отличие от матерей были красиво одеты в крошечные вышитые распашонки, выглядывавшие из-под теплых шалей, ибо наступила зима и ночь была пронизывающе холодной. Я завернула Клару в старое одеяло, которое годами ожидало штюпки, но теперь уже не дождетса. Мы стояли, сбившись вокруг входа, обрамленного колоннами, — около тридцати женщин, подобных мотылькам под факелами, пылавшими в стенных скобах. Наши сердца трепетали, как пергаментные крылья. Я не знала, что госпиталь¹ для брошенных детей может быть похож на дворец с сотней ярко освещенных окон и поворотным кругом для экипажей. Два великолепных длинных здания были расположены по обе стороны внутреннего двора и соединены часовней посередине. У северного конца

¹ «Госпиталь для брошенных детей» в Лондоне, основанный капитаном Томасом Корэмом в 1739 году, был предназначен для «ухода и воспитания за маленькими детьми, оставшимися без попечительства». В то время слово «госпиталь» толковалось в широком смысле от англ. *hospitality*, то есть «гостеприимство». Госпиталь принимал на воспитание младенцев до шести месяцев от роду; исключения бывали только для сирот. Его воспитанников устраивали на работу с шестнадцати лет (*прим. пер.*).

западного крыла на камни мостовой лился свет из открытой двери. Казалось, ворота остались далеко позади. Некоторые из нас уйдут с пустыми руками, другие снова вынесут своих детей на холод. Именно поэтому мы не могли смотреть друг на друга и стояли, опустив глаза.

Клара ухватилась за мой палец, который аккуратно вошел в ее ладошку, как ключ подходит к замку. Я представила, как она будет тянуться за моим пальцем потом, как ее пальчики сомкнутся в пустоте, и крепче прижала ее к себе. Мой отец, которого мы с братом Недом называли Эйбом, потому что так его называла наша мать, стоял немного позади; его лицо оставалось в тени. Он не держал ребенка. Раньше повитуха — толстая женщина, которая была такой же прижимистой, как и осторожной, — предложила ему поддержать Клара, пока я бессильно лежала на кровати, омываемая волнами боли, но он покачал головой, как будто она была прокаженной, предложившей ему персик.

Худой мужчина с костлявыми ногами и в парике проводил нас внутрь через вестибюль, не похожий ни на одно из мест, где я была. Повсюду блестящие поверхности, от ореховых перил до полированного корпуса высоких напольных часов. Единственным звуком был шелест наших юбок и шорох туфель по каменному полу — маленькое женское стадо, разбухшее от молока и несущее своих телят. Это было место для приглушенных, благовоспитанных голосов, а не для криков уличной торговли вроде меня.

Наша маленькая процессия поднялась по лестнице, застеленной алой ковровой дорожкой, и вошла в комнату с высоким потолком. Лишь одна женщина с младенцем могла войти в дверной проем, поэтому мы выстроились в очередь, как знатные дамы на балу. У женщины, стоявшей передо мной, была смуглая кожа, а ее черные волосы мелкими кудрями завивались из-под чепца. Ее малыш был

беспокойным и производил больше шума, чем остальные, и она укачивала так же неумело, как и все мы. Я гадала, у скольких женщин были живы их собственные матери, которые могли бы показать им, как нужно укачивать и кормить младенцев. В тот день я, наверное, пятьдесят раз подумала о моей матери — больше, чем за весь прошлый год. Раньше я ощущала ее присутствие в скрипе половиц и в теплой кровати, но теперь все закончилось.

Мы оказались в помещении с зелеными обоями и красивым гипсовым бордюром под потолком. Огонь в камине не горел, но комната была теплой и ярко освещенной, с сияющими лампами и картинами в позолоченных рамках. В центре висела мерцающая люстра. Это была самая прекрасная комната, какую мне доводилось видеть, и там было полно людей. Я предполагала, что мы будем одни, — возможно, с вереницей кормилиц, забирающих детей, которым суждено остаться, но вдоль стен стояло много людей, главным образом женщин, которые обмахивались веерами и с любопытством приглядывались к нам. Они были очень хорошо одеты и явно интересовались нами. Такие женщины могли бы сойти с картин, развешанных на стенах; на их шеях сверкали драгоценные ожерелья, а юбки с кринолинами были яркими, как тюльпаны. Их волосы были высоко заколоты и щедро напудрены. Среди них было несколько мужчин, пузатых джентльменов в сюртуках и туфлях с серебряными пряжками. Они были совсем не похожи на Эйба в его поношенном тускло-коричневом пиджаке, напоминающем мешок для кормежки лошадей. Мужчины казались более суровыми, и многие из них откровенно рассматривали девушку-мулатку, как будто она была выставлена на продажу. В руках, обтянутых лайковыми перчатками, они держали маленькие лорнетты, и я поняла, что для них это нечто вроде светской забавы.